

(1)У нас с сыном глаза серые, с едва заметными крапинками. (2)В ясный летний день от травы и листьев крапинки становятся заметнее и глаза зеленеют. (3)В пасмурные дни глаза серые — крапинки пропадают совсем. (4)У сына припухшие веки, а ресницы редкие, острые, как обойные гвоздики. (5)Смотрит он исподлобья, потому что у него привычка слегка наклонять голову вперед, как бы желая коснуться подбородком ямочки между ключиц.

(6)Глаза сына смотрят на меня, хотя самого его давно нет рядом. (7)И вот уже сколько лет я всматриваюсь в них, хочу прочесть ответ на вопрос, мучающий меня всю жизнь, начиная с того далекого страшного дня.

—(8)Ваш сын приговорен к казни.

(9)Я прислонилась к стене. (10)Потом собралась с силами.

—(11)Можно мне видеть коменданта?

(12)Меня пропустили. (13)Комендант сидел на табуретке. (14)На нем был только один сапог. (15)Другой он держал в руке и придирчиво осматривал.

(16)Комендант, вероятно, страдал лихорадкой, потому что его лицо было желтым и на нем проступали следы недосыпания и усталости. (17)Под глазами начинали вырисовываться темные мешки.

—(18)Я пришла умолять вас о моем сыне!

— (19)Умолять? (20)О сыне? (21)Ему надо помочь?

—(22)Он приговорен к казни.

(23)Мейер вытер лоб ладонью.

—(24)Он работал на лесопилке...

—(25)Ах, лесопилка! — (26)Он как бы вспомнил о лесопилке. —(27)И ваш сын...

(28)Понимаю, понимаю...

(29)Я не могла взять в толк — издевается он надо мной или сочувствует. (30)Хотела думать, что он сочувствует. (31)Смотрела на него глазами, полными слез.

—(32)Эти глупые, неразумные мальчишки убили часового, — после недолгого молчания сказал комендант.

—(33)Я отдаю себе отчет, насколько это вам сложно, невысказанно трудно, заговорила я. — (34)Но умоляю вас войти в мое положение.

—(35)Понимаю, — сказал он и как бы ушел в себя.

(36)Я поверила, что он сочувствует мне, ищет выхода. (37)И чтобы он самостоятельно не пришел к отрицательному решению, я заговорила:

—(38)Ваша мать жива?

—(39)Моя матушка? — (40)Он слегка посветлел. — (41)Моя матушка?

(42)По-немецки это звучало «мейн муттерхен».

—(43)Она служит в госпитале в Дюссельдорфе. (44)Старшей фельдшерницей. (45)Вы знаете, — комендант оживился, — она чем-то похожа на вас, хотя вы значительно моложе.

— (46)Все матери похожи друг на друга.

—(47)Совершенно верно, — он как бы перенесся в далекий Дюссельдорф, в родной дом, к своей муттерхен. (48)Потом он сказал:

—(49)Одного часового убили четверо юношей... (50)Это вполне могли сделать и трое. (51)Не правда ли?

—(52)Правда, — отозвалась я.

—(53)А один мог быть задержан случайно. (54)Могло ведь так случиться?

— (55)Могло, — с готовностью подтвердила я.

(56)На меня нашло материнское ослепление. (57)Никого вокруг не существовало. (58)Только мой сын. (59)И для того чтоб он был, я готова была на любое признание, на любой поступок. (60)Пропала гордость. (61)Обязанности перед близкими людьми. (62)Только бы он жил! (63)В надежде выиграть, я играла с Мейером в игру, которую он мне предложил.

(64)Комендант покосился на часы и сказал:

—(65)Вам придется поторопиться, госпожа учительница, казнь произойдет через пятнадцать минут.

—(66)Куда мне бежать?

—(67)Бежать не нужно. (68)Вас довезут на автомобиле. (69)Тут недалеко. (70)Километра полтора. — (71)Он крикнул: — (72)Рехт!

(73)Появился длинный, худой Рехт. (74)Жаркая, слепящая радость обволокла меня. (75)Я спасла сына!

(76)Мальчики стояли у освещенной солнцем кирпичной стены. (77)Их было четверо. (78)Все четверо — мои ученики. (79)Они были такими, какими я привыкла их видеть всегда. (80)Только неестественно бледны, словно припекающие лучи не касались их, а скользили мимо. (81)И со стороны казалось, что четверо ребят загорают на солнце.

(82)Машина остановилась. (83)Я нетерпеливо прыгнула на землю. (84)Вслед за мной, согнувшись вдвое, из машины выбрался длинноногий Рехт. (85)Он распрямылся и крикнул:

—(86)Сын госпожи учительницы может отойти от стены! (87)Который из вас сын госпожи учительницы?

(88)Мой сын не шелохнулся. (89)Он стоял неподвижно, как будто команда Рехта его не касалась. (90)Тогда я сделала еще несколько шагов и встретилась взглядом с Кирюшей. (91)В этой маленькой героической шеренге, застывшей у кирпичной стены в ожидании своего последнего часа, мой сын был крайним справа.

(92)Он по привычке опустил голову и смотрел исподлобья куда-то в сторону. (93)Я почувствовала — он боялся встретиться со мной взглядом, чтобы не проявить слабость. (94)Его веки слегка вздрагивали. (95)Глаза смотрели виновато. (96)Перед кем он чувствовал вину? (97) Передо мной или перед самим собой? (98)Но, может быть, никакой вины в его взгляде не было и то, что я принимала за вину, было печалью расставания?

(99)Он знал, что сейчас его жизнь находится в моих руках. (100)Стоит мне кивнуть — «вот мой сын», — и не будет кирпичной стены, не будет фашистов с автоматами, не будет удушающего ожидания смерти.

—(101)Госпожа учительница, пора, — сказал длинный Рехт. — (102)Вы задерживаете казнь... (103)Может быть, здесь нет вашего сына?

(104)Я вздрогнула. (105)По сердцу рванула мысль: я нахожусь на грани страшного предательства. (106)Спасая сына, я одновременно предаю его. (107)Предаю его, и Кирюшу, и отчаянного Дубка, и осиротевшего Мишу. (108)Умирать всегда тяжело. (109)Но куда тяжелее расставаться с жизнью, если тебя предал близкий человек...

(110)Я вдруг почувствовала, что все четверо одинаково дороги мне близость смерти уравнила их в моем сердце.

—(111)Госпожа учительница!.. (112)Берите любого и уходите. (113)Слышите?

(114)Слова Рехта, как пули, просвистели над моим ухом. (115)Я взглянула на сына. (116)Кирпичная стена показалась мне сложенной из детских кубиков. (117)А его я увидела совсем маленьким. (118)В кроватке с сеточкой. (119)Его мучила корь. (120)Он метался в жару. (121)Но почему-то не тянулся ко мне, а забился в уголок, чтобы там перестрадать в гордом одиночестве. (122)Он и сейчас не звал меня на помощь.

(123)Длинный Рехт положил мне руку на плечо. (124)Я повернулась и сказала:

—(125)Они все мои сыновья.

(по Ю.Яковлеву)